

#дотебя

Читайте в серии #дотебя:

Дина Рид «Без боя не сдамся»

Юлия Колесникова «Разрешаю себя ненавидеть»

**Юлия
Колесникова**

**Разрешаю
себя
ненавидеть**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Разработка серийного художественного оформления —
Александр Шпаков

Сайт автора https://vk.com/fantazy_fantastika

Колесникова, Юлия Анатольевна.

К60 Разрешаю себя ненавидеть : [роман] / Юлия Колесникова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (# дотебя).

ISBN 978-5-17-104569-2

Жизнь юной Флекс круто меняется, когда ее родители берут на воспитание двоих детей их погибших друзей. Один из них — красавчик Ирвинг, с которым у девушки дружба не складывается сразу же. Между подростками начинается настоящая война, со временем переходящая в тайные и запутанные отношения. Встречаясь с другими девушками и парнями, Ирвинг и Флекс ведут игру, которая причиняет боль им обоим. Лишь со временем Флекс поймет, за что Ирвинг так ненавидит ее, несмотря на всю страсть, с которой он к ней прикасается.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104569-2

© Колесникова Ю.
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается моей маме, Галине,
благодаря которой
мне открылся мир книг.*

*Моему мужу, Диме,
который не посчитал меня глупой,
когда я рассказала ему,
что люблю писать книги.*

*И особая благодарность Яне —
благодаря которой
это стало возможно.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возненавидеть человека можно и без того, чтобы он причинил тебе зло.

Мигель де Унамуно

Я смотрела сквозь стекло в запыленный коридор университета и видела своего парня, который разговаривал с девочками из нашей группы. Рядом, вплотную ко мне, стояла моя подруга. Точнее, она считала, что является моей подругой, ей этого хотелось, но я знала, что это не так. Только вот она этого не знала. А так же — что я знаю обо всех ее чувствах, хотя мне казалось, она должна догадываться почему мой парень никогда не посмотрит на нее и на других девушек так, как на меня.

Я чувствовала, как тяжело она дышала, и сколько торжества было в этом ее дыхании, но Синтия плохо знала меня. Она думала, стоит мне увидеть такую невинную картинку — и я изойду желчью?

Но ничего, я исправлю ее мнение, и она поймет, почему я всегда буду ему доверять и верить, почему мы всегда будем вместе, — или, по крайней мере, до того момента, пока жизнь не разлучит нас.

— Видишь, я тебе говорила, — сказала она, старательно скрывая удовольствие от того, что смогла не только застать такую сцену, но и привлечь к ней мое внимание.

Прежде чем ей ответить, я сфокусировалась на своем отражении в стекле, которое было намного темнее, чем то, что находилось за ним. Моя кудрявая голова виднелась на фоне ярко-синего неба, волосы были собраны высоко, открывая лоб, глаза словно растворились в стекле, такими ясно-серыми они были. Сливочно-белое шифоновое платье, которое я бы не надела еще три года назад, открывало плечи и ноги до колен. Нежный силуэт, странно сочетающийся с моей внешностью.

— Вижу. Ты считаешь, что это повод не только для ревности, но и для того, чтобы разорвать наши отношения?

Всего на миг Синтии хватило совести смутиться. Я пригрела на груди змею.

— Как по мне, такого достаточно.

Я улыбнулась отстраненно, закрывая от ее любопытных глаз свои мысли и намерения, как делала это раньше.

— Я тебе не рассказывала, как мы с ним познакомились?

Синтия явно не ожидала такого вопроса. Она растерялась и покачала головой. Конечно, она ожидала гнева или еще какой-нибудь другой реакции, но я не стала бы так себя вести, даже если бы была

по-настоящему зла. Синтия совершенно меня не понимала, а ведь мы дружили уже несколько месяцев, и все это время она старалась ближе подобраться к моему парню. Какая она наивная: мой любимый разгадал ее уловки с самого начала.

— Ты должна это услышать, чтобы все понять, — сказал я и потянула ее к одному из деревьев в университетском дворе. На землю упала моя джинсовая куртка, я села на нее, а Синтия, не зная преград в своей бессовестности и предвкушая историю, которой никто не знал, положила голову мне на колени. У нас было больше часа до того, как нужно будет идти на занятия. Я думала, мне этого времени вполне хватит.

— Услышать что? — переспросила она и зажмурилась от солнца, пробивающегося сквозь ветки деревьев.

— Нашу историю. Мою и Ирвинга.

Я тяжело вздохнула, думая о том, смогу ли вспомнить все, но стоило начать говорить, как воспоминания словно волной нахлынули на меня. Я возвращалась назад, домой, к морю, детству, и тому, что случилось три года назад.

ГЛАВА 1

Флекс

Граница между светом и
тьмой — ты.

Станислав Ежи Лец

Поверь, никто не слышал этой истории до тебя. Вся она, как и наша первая встреча, была историей ненависти — не только с первого взгляда, но и с первых слов. Но для начала ты должна понять, что тогда я не была той Флекс, которой являюсь теперь.

Мой дом находится в хорошем районе небольшого города на юге Англии, точнее, Уэльса: город лежит возле самого моря, а с другой стороны — обширный и красивый лес. Для тебя не имеет значения, где именно этот город, а многие мои знакомые по-прежнему живут там. Если ты однажды от кого-то услышишь название моего города, то тебе станут известны и участники нашей с Ирвингом истории.

Мой отец в то время был лишь партнером строительной компании. Начинал он как простой рабочий, но некоторая художественная деятельность в юности привела к тому, что к нему начали прислушиваться не только архитекторы, но и владельцы компании. Сначала он стал главным по отдельно взятой рабочей зоне, потом прорабом участка, а потом менеджером по строительству. К тому лету, когда все началось, отец был уже партнером и построил для нашей семьи из пяти человек и собаки большой, и, наверное, самый красивый дом в городке. После у него не раз заказывали подобные проекты, но мне кажется, он больше никогда так и не смог воспроизвести то, что сделал для нас. Возле дома был гараж как минимум на 5 машин, потому что в доме нас было трое детей, и, хотя моя сестра и брат были слишком малы, чтобы водить, отец оставил место еще и для их будущих машин. Сам дом представлял из себя три этажа сплошной красоты и уюта, был очень современным, что не типично для нашего маленького городка. Так как город был зажиточным, три этажа в нашем доме не казались большой роскошью, особенно если учесть троих детей в семье, что мало кто себе позволял. И отец как большой любитель спортивных игр мечтал увеличить число детей в доме до числа игроков в какой-нибудь команде, ну, хотя бы волейбольной, с учетом его самого, так как для мамы на свете существовал лишь один вид спорта — шопинг. Она часто поговаривала, что после удачного посещения магазинов в Лондоне худеет, как минимум, на один размер. Итак, понятно, что отец мой — отчаянный добряк, мама — милейшее существо, которой все же присущ грех избыточных

покупок, и что у меня есть младшие брат и сестра. Но о них я еще расскажу. Итак, дом.

Первый этаж отец оставил для гостевых комнат, где могут разместиться друзья, ничего личного или дорогого, о чем могли бы судачить потом в городе. Там была ультрасовременная кухня, на которой мама проводила большую часть своего времени, так как когда-то не смогла воплотить в жизнь свою мечту стать шеф-поваром, потому что родилась я. Ей тогда было не так уж и мало, почти 19 лет. Но когда мне было три, и меня вполне можно было отдавать на попечение кому-то другому, мама забеременела моей сестрой Этни, точнее, Этьен. И снова школа поваров осталась мечтой на некоторое время, и лишь ее название отразилось в имени сестры. Мужское имя, но, если учесть, что меня называли Флекс — в честь хлопка, в котором, как я понимаю, меня непонятно где зачали, сестра еще может радоваться. А когда подросла Этни, а я стала достаточно самостоятельной для того, чтобы ездить в школу на автобусе с другими детьми, нас снова обрадовали вестью о возможном появлении брата или сестренки. В итоге появился мой брат Майкл. К тому времени мне было уже восемь лет, а маме — 26, и, понятное дело, поступать в какую-то школу, к тому же во Франции, она уже не собиралась. Отец лишь начал постепенно подниматься по карьерной лестнице в своей фирме. В итоге вскоре мы стали для мамы кое-чем таким, из чего она сделала потом бизнес. Как любая нормальная семья, мы ездили на пикники, и вместо того чтобы набирать для нас троих всяких сладостей в магазине, она пекла, готовила и выдумывала сладости. Вот так в нашем городке

появился ее магазинчик с выпечкой и домашними угощениями, который теперь приносит денег не меньше, чем партнерство отца.

Еще на первом этаже была гостиная, да такая, что там можно было вместить весь мой класс, если у меня вдруг появится такая бредовая мысль. Несколько помещений для удобства матери, которые она использовала для разных метел или пылесосов. И отцовский кабинет, забитый книгами, но только напоказ — он не любил читать, и, как сознался мне однажды, всегда себя за это ужасно ругал. По его мнению, интеллигентный человек должен всегда читать. Себя он считал интеллигентом, хотя вышел из семьи такого же строителя, каким был сам, и лишь маленькая доля таланта к рисованию и сообразительность сделали из моего отца того, кем он является и сейчас — богатого и уважаемого человека. Потому отец всегда старался водить дружбу с людьми, которые умнее его — так он сам говорил. Его харизма и обаяние затмевали отсутствие хорошего образования, которое он настырно давал нам. Потому среди его друзей было немало профессоров, учителей, музыкантов, даже писателей, а еще — архитекторы, художники и ученые. Мне иногда даже казалось, что он коллекционировал друзей, а настоящим другом считал лишь одного человека — доктора Этвуда, с которым он жил по соседству, когда был еще подростком. Они поддерживали связь, даже несмотря на то, что Этвуд, его жена и двое детей колесили по свету из-за работы мистера и миссис Этвуд.

Мой папа даже был крестным старшего ребенка Этвудов — Ирвинга, но видел он его после этого

всего пару раз. Насколько я знаю, парень был старше меня на каких-то полтора года, и по словам отца, всегда казался ему его старшим ребенком.

Второй этаж нашего дома находился полностью во владении детей — как говорила мама, это было наше царство, и мы как три властителя должны установить для себя правила пользования домом. Так как я была самая старшая — осенью мне должно было стукнуть 17 лет, то 75% правил были моими, 20% приходилось на тринадцатилетнюю Этни и лишь пять — на девятилетнего Майкла, который, по сути своей, был нашим маленьким ангелочком. Комнаты были большими, у каждого была своя ванная, во избежание войн, но подвох был в том, что мы сами обслуживали, убирали и очищали от скопления грязной одежды свои комнаты, и вскоре моя 20-метровая спальня не казалась мне уже таким раем. Помимо этого, на нашем этаже пустыми оставались еще четыре комнаты. Отец все надеялся на то, что мама совершит героический поступок и все же обеспечит ему спортивную команду. Впрочем, вскоре его мечта почти осуществилась, но не так, как он надеялся.

Моя комната была более удаленной от других детских, и в ней имелась башенка, которую я заказывала еще тогда, когда мне было 13. Теперь в ней для меня не таилось того очарования, что когда-то, зато там расположился удобный диванчик, куда я могла прятать свои любимые вещи — подальше от загромождающих ручонки Этни, догоняющей меня уже как по росту, так и по телосложению. На ее счету было больше парней, чем у меня за все 17 лет. Не то, чтобы она была красивей, наверное, даже наоборот,

но мне не хватало ее уверенности в себе или некоторой харизмы, явно унаследованной ею от нашего отца. Я и Майкл были намного скромнее.

Моя комната вовсе не представляла собой подобие розового облака, по которому плывут блестящие статуэтки, искусственные бриллианты и пуделы. Я одевалась так, как одевались все в городе, не слишком выделялась, не была ни готом, ни эмо, ни неформалкой, ни ярой модницей, хотя, думаю, мама спала и видела, чтобы я позволила ей надо мной поработать. Я была, как все, в своей школе, моей особенностью была любовь к фильмам, музыке и книгам. А чем еще заняться в таком городе, как наш? Если быть особенным и выделяться означало нечто позорное. Хотя, по-моему, именно таких больше всего любили в нашем городе. Такой была и моя подруга Рашель. Но и о ней позднее.

Моя комната скорее походила на страницу какого-нибудь каталога по дизайну, в общем, так и было — когда мама дала мне журнал по дизайну, я пролистала его, выбрала одну страницу и ткнула в нее пальцем. Через 3 недели моя комната стала такой, как теперь. Хотя, нет, теперь она намного более уютная, потому что я наконец обрела себя. Как ты понимаешь, обрела я себя, когда в моей жизни появился Ирвинг.

В моей комнате было все, что только могла хотеть обычная девушка — свой огромный шкаф, просто исполинских размеров кровать, как говорила мама, для того, чтобы у меня на ночь оставались подружки. Трюмо, в которое я почти не находила, что поставить, так как не очень интересовалась косметикой. Как говорила мне Рашель, это потому, что